

Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3

Ссылка для цитирования:

Здравомыслова Е. А. Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 65–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.3>

For citation:

Zdravomyslova E. A. (2021) Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 65–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.3>

Здравомыслова Елена Андреевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: zdrav@eu.spb.ru

Автор изучает, как в позднесоветских социологических текстах конструировался социально-гражданский статус людей старшего возраста и какие гендерные различия устанавливались в этом конструировании. Для вторичного анализа отобраны статьи и монографии, написанные на основании исследовательских проектов, осуществленных в 1970-х — начале 1980-х годов несколькими советскими социологическими коллективами. Автор показывает, что советские социологи, создавая знание о старшем поколении, маневрировали между нормативностью идеологии и позитивистским знанием. Их исследования были ориентированы на нормативную модель активного долголетия по-советски и проверяли ее реализуемость в позднесоветский период. На уровне манифестных суждений советские социологи выступали с критикой «буржуазной» концепции старения как разрыва общественных связей. Однако результаты проведенных ими эмпирических исследований показали, что значительная часть советских граждан старшего возраста сокращали культурное потребление, круг их общения сужался, а потребность в общении росла; они не имели планов жизни на пенсии, были склонны к пассивному поведению, среди них было мало пенсионеров-общественников,

¹ За неоценимую помощь в подготовке статьи автор выражает благодарность Е. Головахе, О. Куценко, А. Низамовой, К. Галкину, Е. Тыкановой, В. Воронкову и анонимным рецензентам.

институциональная поддержка активного долголетия была недостаточной. Социологи конструировали выход на пенсию как маркер биографического перехода, осмысляемого гражданами старшего возраста как критический опыт множественных утрат и вызов новой семейной роли. Таким образом, социологи критиковали советские паттерны старения. Женский опыт пенсионного перехода и жизни на пенсии описывался как более позитивный по сравнению с мужским. Женщины в меньшей степени страдают от одиночества, сохраняют социальные связи, накопленные на других этапах жизненного пути, более склонны вести социально активный образ жизни, особенно в сфере культурного потребления, часто с удовлетворением относятся к новым семейным ролям. Хотя советские социологи зачастую ограничивались прикладными задачами, ориентированными на запрос партийно-государственных аппаратов, автор показывает, что в их работах содержатся инсайты, которые могут быть полезными и для современных исследований старения в России. Среди эмпирически фундированных теоретических находок — идея пенсионного перехода, модель «пенсионной болезни», представления о преждевременном старении и своеобразии активного долголетия по-советски, модель гендерного разрыва, который представляет мужчин как более уязвимых, а женщин — как более адаптированных к жизни на пенсии.

Ключевые слова: советская социология; старшее поколение; гендер; старение; социальный конструктивизм; пенсионеры

Введение

В этом тексте я анализирую, как советские социологи осмысливали опыт старения в позднесоветском обществе¹ и свойственные ему гендерные различия. Меня интересует, как конструируется социально-гражданский статус людей старшего возраста в позднесоветских социологических текстах и какие гендерные различия устанавливаются в этом конструировании.

Каков концептуальный горизонт выполнения этой аналитической задачи, то есть зачем и кому это нужно сегодня? Исследователи отмечают, что работы советских социологов в настоящее время мало кому интересны, авторы забыты и написанные ими тексты не востребованы [Sokolov, 2017]. Однако, на мой взгляд, обращение к забытым социологическим текстам имеет смысл, и в ходе изложения я постараюсь прояснить, в чем он заключается. Советская социология рассматривается здесь как система экспертного знания, работающая как аппарат вертикальной связи между партией-государством и обществом. Социологическое знание в условиях авторитарного политического устройства носит двойственный характер. С одной стороны, оно производит ответы на социальный заказ государственного аппарата, который продуцируют

¹ В терминологии советского официального дискурса позднесоветский период назывался обществом развитого социализма.

гражданские статусы и иерархии, направляя ресурсы учетным категориям граждан. С другой стороны, социологическая экспертиза помогает обнаружить зазор между нормативными суждениями, сформулированными в официальном дискурсе, и свидетельствами о социальной реальности, сконструированными социологами. Такой разрыв между словами официального порядка и словами социологического порядка, если он усматривается властными инстанциями, становится аргументом в пользу политики реформирования в отношении конкретных процессов и категорий граждан [Titarenko, Zdravomyslova, 2017].

Социологическое внимание к различным категориям граждан — советским сословиям — направлялось повесткой официального дискурса и распределялось неравномерно. Одни социально-демографические категории оказывались в центре официального дискурса и обслуживавшей его экспертной системы социального знания, другие вытеснялись на периферию внимания. Что касается (поло)возрастных категорий, то в фокусе интереса советских социологов находились группы, занимавшие высшие позиции идеологически сформированной возрастной стратификации — «зрелый возраст» и «молодежь». Старшие возрастные группы оставались на маргиналиях социологического дискурса. Такие предпочтения внимания объясняются, на наш взгляд, бдительностью ресурсной идеологии — государство проявляло интерес к тем категориям граждан, которые являются ресурсами производства и воспроизводства, а не к тем, кто удалился «на заслуженный отдых» и бесперспективен с точки зрения идеологии развитого социализма. Социологи, занимающиеся маргинальными для официального дискурса темами, сетовали на тщетность своих попыток достучаться до власти и особенно остро ощущали «горький вкус невостребованности» результатов своей работы [Грушин, 1999].

И, тем не менее, в позднесоветский период создавалась социология старшего возраста как относительно автономное направление социального знания, появлялись институции, проводились эмпирические исследования, публиковались их результаты, организовывались всесоюзные съезды и даже международные встречи. В данном тексте представлены основные параметры социологического конструирования старшего возраста и гендерных различий в этой возрастной категории с опорой на эмпирические исследования, которые используются как вторичные источники. Описание и анализ не претендуют на полный охват источников. Для вторичного анализа отобраны исследовательские работы, написанные на основании проектов, осуществленных в 1970-х — начале 1980-х годов несколькими советскими социологическими коллективами. Члены этих коллективов были хорошо знакомы друг с другом, они составляли выраженный тематический сегмент становившегося и претендовавшего на автономию социологического сообщества: они цитировали одни и те же источники и друг друга. В частности, к этой группе авторов относятся В.Д. Шапиро (Москва, ИКСИ АН СССР), Н.В. Панина (Киев, Институт социальной геронтологии АМН СССР) и А.В. Дмитриев (Ленинград, ИСЭП АН СССР). Каждый из них руководил несколькими коллективными проектами; каждый идентифицирован по вкладу в знание о позиции граждан старшего возраста в СССР. Так, Наталья Панина — автор

нормативной концепции социальной адаптации к жизни на пенсии; Владимир Шапиро — основоположник советской социальной геронтологии, он создал социальный портрет советского пенсионера, представляя разные аспекты этого гражданского статуса; Анатолий Дмитриев анализировал социальные проблемы, с которыми сталкивались пожилые люди. Эти авторы оказались самыми яркими, самыми цитируемыми, хотя вклад в развитие тематики внесли целые научные коллективы (в списке литературы приведены наиболее часто упоминаемые источники). Все работы базируются на эмпирических исследованиях, проведенных на основании стандартизированных массовых репрезентативных опросов, изучении бюджетов времени; они опираются на наиболее влиятельные труды советских социологов [Гордон, Клопов, 1972; Грушин, 1967; Социально-психологический..., 1977]. Исследователи измеряли разные параметры социального положения пожилых людей и их отношение к собственному опыту. Все исследовательские проекты содержат рекомендации, адресованные партийно-хозяйственным органам управления. Профессионализм советских социологов — «советников Чингиз-Хана» (как назвал их Борис Грушин [Грушин, 1999]) — утверждался в той модальности производства социологического знания, которую Майкл Буравой назвал *policy sociology* (прикладные социальные исследования). Их заказчиком было государство, а тексты адресовались в основном органам управления, но также социологическому сообществу и публике [Burawoy, 2005]. Рекомендации социологов были призваны улучшить положение граждан, способствовать реализации их социальных прав, декларированных партийно-государственными документами, и преодолению отдельных недостатков функционирования системы. Иногда социологи печатались в периодике и прессе или транслировали полученное знание через журналистов-посредников, а их идеи становились известными широкой публике¹. Советские социологи были академически робкими и неамбициозными. Они крайне редко претендовали на создание теории, ограничивая себя прикладными задачами. Однако мне представляется, что в их работах содержатся инсайты, которые могут быть полезными и для современных исследований старения в России.

Текст статьи состоит из нескольких частей. Сначала представлены базовые принципы социологической концептуализации старшего возраста как гражданского статуса. Затем осмысливаются основные тематизации исследований, представляются ключевые социальные модели жизни людей старшего возраста, проблемы, которые им атрибутируются социологами, и предлагаемые рецепты решения. После этого обсуждается гендерное фреймирование старшего возраста, в основе которого лежат полученные социологами сведения о различиях мужского и женского опыта старения в контексте позднесоветского периода. В завершение приводятся аргументы

¹ Публикационная активность в СМИ носит характер вспышек кампаний внимания, мотивированных календарным политическим принципом актуальности. См., например: *Дмитриев А.В.* Ветеран не хочет покоя // Ленинградская правда. 1977. 18 августа; *Дружкин Х.* О возрасте пенсионеров // Правда. 1977. 1 августа; *Жадаев В.* Если пенсионер хочет трудиться // Литературная газета. 1977. 27 июля; *Земчук Н.* Возраст пенсионера // Правда. 1977. 28 июня.

в пользу своевременности вторичного анализа забытых и выпадающих из обсуждения исследований советской социологии старшего возраста в контексте актуализации проблематики стареющего общества в России.

Борьба за актуальность

В позднесоветской социологии тема старения не была популярной. Исследователи, которые обратились к этой проблематике в 1970-е годы, указывали с сожалением, что социально-демографическая группа пожилых граждан выпала из поля зрения советских социологов. «В противоположность другим этапам жизненного цикла, таким как юность или детство... учение о старости и влиянии населения старшего возраста на общество в известной мере отрицалось или игнорировалось» [Дмитриев, 1980: 7]. На наш взгляд, такая исследовательская слепота объясняется местом социологического знания в аппарате идеологического контроля: социология ограничивала свои притязания прикладными заказными исследованиями, которые фокусировались на продуктивных категориях граждан, а старшее поколение рассматривалось как отработавшее, находящееся «на заслуженном отдыхе», а значит, находящееся на периферии внимания заказчика.

Определяя свое место в системе производства социального знания, советские исследователи старшего возраста приписывали себя к междисциплинарной области социальной геронтологии, в которой долгое время лидирующее положение занимали медики, прежде всего социальные гигиенисты и гериатры [Шапино, 1980], наследуя советским традициям изучения омолаживания и активного долголетия (напр., [Френкель, 1945], см. подробнее: [Krementsov, 2014]). Действительно, Институт геронтологии АМН СССР, основанный в 1958 г. в Киеве, стал всесоюзным центром производства медицинского и социального знания о старших возрастах жизни. Под его эгидой организовывались международные и всесоюзные конгрессы, издавался ежегодник «Геронтология и гериатрия», проводились исследования. Социологи в этот период пришли к мнению, что необходимо компенсировать очевидную нехватку внимания к гражданам старшего возраста с их стороны. Борясь за признание нового направления исследований, Дмитриев объявил социологию старшего возраста генерализующей дисциплиной в трехуровневой структуре социальной геронтологии. На уровне личности эта дисциплина изучает поведение и аттитюды стареющего человека, на среднем уровне — взаимодействие пожилых и старых людей с социальными институтами и микросредой, на социетальном уровне — их роли в обществе в целом и влияние на него. Стремясь легитимизировать свой академический интерес, социологи развивали идею о социальной актуальности и прагматической востребованности изучения старшего поколения и старости. При этом они обращались к тем же аргументам, которые воспроизводятся исследователями сегодня. Они указывали на глобальный социально-демографический тренд постарения населения (рост численности пожилых, рост продолжительности жизни и низкая рождаемость

в развитых странах) [Шапиро, 1983: 17]. Исследователи также указывали, что социологическое знание о социально-демографической группе — часть заботы советского государства о гражданах старшего возраста, которые являются адресатами системы социального обеспечения. Кроме того, отмечался инструментально-политический мотив интереса: «пенсионеры могут и хотят приносить пользу обществу» и могут стать частью резервной армии труда [Дмитриев, 1980: 5].

Позиционируя советское общество в глобальном демографическом контексте, авторы с сожалением отмечали, что в СССР продолжительность жизни ниже, чем во многих развитых странах, и, тем самым, отсылали к феномену преждевременного старения и умирания, характерному для определенного поколения — возрастной когорты советских граждан [Урланис, 1968]¹.

Концептуальные и идеологические основания эмпирических исследований

Рассмотрим ключевые концептуально-идеологические принципы, которые лежали в основании эмпирических социологических исследований граждан пожилого возраста в позднесоветский период (развитого социализма). Их источниками были положения исторического материализма, адаптированные к изучению жизненного пути человека старших возрастов, биомедицинские и психологические представления о старении и директивные документы партийно-государственных органов. В дизайне исследований преобладали апробированные методологии изучения социально-профессиональных групп, их отношения к труду, семейным отношениям и досуговым практикам [Гордон, Клопов, 1972; Грушин, 1967; Социально-психологический..., 1977; Харчев, 1979].

В целом на эпистемологическом уровне советские социологи рассуждали в рамках социально-конструктивистского подхода к изучению жизненного пути и возрастных границ. Старение рассматривалось ими как длительный биосоциальный процесс, границы которого условны и подвержены историческим изменениям. «Не существует универсальной границы, отделяющей старость от среднего возраста», «старение индивидов и групп происходит неодинаково — у одних раньше, у других — позже». «Увеличение средней продолжительности жизни, характерное явление для современной эпохи, меняет взгляды исследователей на возрастную периодизацию» [Шапиро, 1983: 17].

В определении «объективных» возрастных границ старшего возраста социологи использовали принятое медицинским авторитетом ВОЗ различие возрастных категорий: Люди в возрасте 60–74 лет — пожилые, 75–89 — старые,

¹ Особый интерес социальной геронтологии вызывали долгожители, образ жизни которых стал объектом антропологических экспедиций, организованных АН СССР в сотрудничестве с американскими исследователями, начиная с 1977 года (Абхазия, Азербайджан, Украина).

90 лет и старше — долгожители¹. В основе этой градации лежит представление о здоровье и психофизиологическом функционале пожилых людей.

Утверждая свое право на экспертизу, исследователи подвергали критике повседневный эйджизм, который противоречил идейным принципам равенства граждан всех возрастов, провозглашенным Конституцией СССР, и объективному научному подходу². Повседневному дискурсу исключения исследователи противопоставляли истинно научный социологический подход, опирающийся, с одной стороны, на положения исторического материализма, а с другой — на структурно-функционалистскую парадигму и ее вариант — теорию возрастной стратификации. Шапиро подчеркивал: «Определение старости должно быть функциональным, связанным с основными изменениями в социальных ролях индивида» [Шапиро, 1983: 9; Пиотровский, 1972]. Таким образом, продвигалась идея различения хронологического (по году рождения), биологического (по состоянию здоровья), социально-гражданского (по статусу, определяемому выходом на пенсию и ролевым ожиданиям) и психологического (по самоатрибуции) возрастов. В фокусе социологического интереса находился социальный возраст — гражданский статус пожилых и старых людей.

Разметка жизненного пути человека создается исходя из возрастной социальной стратификации, в основе которой лежит нормативный критерий вовлеченности в сферу общественного (вос)производства. На базе этого критерия исследователи выделили три крупные нормативные социально-возрастные категории советских граждан: учащиеся, активные трудовые кадры и пенсионеры [Кон, 1978; Ланцев, 1976]. Так социологическое знание внесло свой вклад в закрепление институционализированного жизненного пути советского гражданина и нормативных границ возрастов жизни. Социальный конструктивизм, лежащий в основе производства знания о пожилых, предполагает интерпретацию жизненного пути, возраста и гендера как результатов работы социальных институтов [Riley et al., 1972; Ageing..., 2019]. Предметом изучения становятся возрастно-ориентированные роли и ожидания, нормализующие жизненный путь советского человека. Так, например, социологи Б.А. Гордон, Э.В. Клопов и Е.Б. Груздева развивали концепцию жизненного цикла — вариант концепции жизненного пути (life-course approach). Они рассматривали жизненный цикл как последовательность возрастных периодов (или этапов) в жизни человека, различающихся сменой функций и ролей в социальной системе в целом, и в системе воспроизводства и воспитания подрастающего поколения в особенности. Каждому этапу жизненного цикла соответствуют свои роли и особенности повседневного поведения. Их совокупность называется «социальным возрастом» социальной личности [Гордон

¹ Градации возраста утверждены Рекомендациями, принятыми на Симпозиуме по классификации и номенклатуре периодов старости и старения, в 1962 г. в Ленинграде.

² «В некоторых определениях периода старости, — писал Шапиро, — содержатся в явной или неявной форме оценочные суждения, подчеркивающие физиологическую или социальную специфику этого возраста: зима жизни, увядание, угасание, дряхлость, возраст признания заслуг» [Шапиро, 1983: 18].

и др., 1977]. В рамках такого нормативного подхода, подчеркивающего жесткие возрастные границы, старость определяется как этап жизни, «когда обычно завершается собственная активная трудовая деятельность человека» [Гордон и др., 1977: 140; см. также: Кон, 1978]. Аналогичным образом социальный геронтолог Наталья Панина ввела в советскую социологию понятие «возрастно-ролевые ожидания», определяя их как нормы и требования, предъявляемые к индивидам, достигшим границ определенного возраста, и отражающиеся в ожидании от них включения в круг определенных ролей, соотносящихся с данным возрастом и социальным статусом» [Панина, 1980].

Предметом социологических исследований старения, таким образом, оказываются нормы и ожидания для возрастного этапа — особый возрастной гражданский статус, определяемый объективными и субъективными показателями [Дмитриев, 1980: 18]. Объективным показателем этого нового гражданско-возрастного статуса (или социального возраста) считается номинальный возраст выхода на пенсию¹. Исследователи также выделили субъективный, или психологический, возраст, который определяется самооатрибуцией в соответствии с саморегистрацией в анкете в качестве пожилых или старых. В 1970-е годы граница пожилого возраста у мужчин составляла 62 года, а у женщин — 60 лет [Панина, 1980; Шапиро, 1980]. Началом старости мужчины считали 73 года, а женщины — 71 год [Шапиро, 1983]². Выявив субъективный возраст и сопоставив его с хронологическим и социальным возрастом, исследователи пришли к двум выводам. Во-первых, субъективный возраст на два года и пять лет (в зависимости от пола) превышал социальный, или пенсионный, возраст. Во-вторых, были выявлены различия в субъективном определении возраста по признаку пола. Субъективно женщины ощущают себя пожилыми и старыми раньше мужчин, несмотря на то что фактически их продолжительность жизни больше. Таким образом, методология определения возраста показала потенциальное гендерно маркированное противоречие между социально-возрастной атрибуцией и самооатрибуцией. Общество может относить человека к категории пожилых и старых по критерию пенсионного возраста, в то время как субъективно человек может опираться на другие критерии.

Выявленное расхождение между хронологическим возрастом, установленной законом границей пенсионного возраста и субъективным возрастом осмысливалось как недооценка государством и обществом потенциала социальной активности пенсионеров, в том числе трудовой. Кроме того, такое различие позволило социологам определить свою тематику — изучение социального положения советских пенсионеров по старости.

Авторы выявили характеристики социального возраста, или гражданского статуса, пенсионеров. Это особое советское сословие, которому

¹ Дмитриев отмечал, что институциональная формальная граница не является точным признаком принадлежности к пожилому возрасту, так как «далеко не все граждане пожилого возраста оформляют статус пенсионеров» [Дмитриев, 1980: 17].

² А. Левинсон отмечает, что в начале 2000-х годов субъективной границей старости респонденты считали возраст 62 года [Левинсон, 2005].

приписывались возрастные особенности, изучаемые медициной и психологией; они — адресаты государственной системы социального обеспечения (объектами велфера); вовлечены в работу ветеранских общественных организаций (по месту прежней работы и по месту жительства); им свойственно особое положение в семейной системе и ценностные ориентации [Дмитриев, 1980: 28; Шапиро, 1980; Ачаркан, Соловьев, 1975; Александрова, 1974; Карсаевская, Шаталов, 1978]. Несмотря на общность гражданского статуса, уподобленного сословию, авторы признавали разнообразие организации жизни пенсионеров по старости в зависимости от их возраста (пожилой или старческий), гендерной принадлежности, связанности с другими социальными группами и степени вовлеченности в социальную жизнь.

Таким образом, мы видим три основных сочетанных критерия выделения возрастной категории — биомедицинский, социально-гражданский и субъективно-психологический. Внимание социологов прежде всего привлекал гражданский старший возраст — сословие советских пенсионеров, включая и его субъективное измерение.

Идеологические основания исследований формулировались в многочисленных отсылках к работам классиков марксизма-ленинизма и партийно-государственным документам — Конституции СССР (1977), резолюциям съездов КПСС, Закону о пенсии. Отсылки к этим документам с соответствующими случаями цитатами приводились, как правило, в начальных и финальных параграфах текстов, носили обязательный ритуальный характер и свидетельствовали о лояльности авторов доксе. Однако, на наш взгляд, прочитанные сегодня эти идеологические мантры помогают также прояснить расхождение декларируемых принципов и сконструированного социологами знания о социальном сословии, а также увидеть реформаторскую направленность социологической экспертизы. Обозначим ключевые позиции официального дискурса о гражданах старшего возраста, работающие как идеологические постулаты (к которым нужно стремиться гражданину и обществу).

Во-первых, принцип гражданского равенства по возрастному критерию предполагает, что пожилые, старые, молодые и зрелые граждане обладают равными правами, «дискриминация по возрастному признаку полностью исключена из жизни нашей страны, где не могут существовать никакие проявления геронтофобии, присущие буржуазному обществу» [Дмитриев, 1980: 21]. Во-вторых, социалистический принцип межпоколенной солидарности, который предполагает «идейно-политическое и моральное единство всех возрастных групп, общность их целей, взаимопомощь и сотрудничество» [Дмитриев, 1980: 21]. В-третьих, структурообразующий принцип общественно полезной активности, характерный для советского общества, гласит, что активность пожилых людей как мера участия в жизни общества «является важнейшим и единственно подлинным социологическим показателем степени постарения человека... рост продолжительности жизни имеет смысл, когда пожилые включены в активную трудовую деятельность не только в сфере производства» [Дмитриев, 1980: 16].

Заявляя о своей приверженности этим принципам, социологи все проявления дискриминации и исключения по критерию возраста объявляли временными недостатками, с которыми общество и государство обязаны бороться. Авторы утверждали, что в основе специальной социологической теории старения лежит концепция активности человека.

Критика теории старения как утраты связей с обществом (disengagement theory of aging)

Советские социологи вписывали свои рассуждения в современный им международный геронтологический дискурс и воспроизводили существовавшую в то время полемику между двумя направлениями социологии старения: приверженцами «концепции ухода от дел» и сторонниками концепции активного старения. Развивая тезис об активном долголетии как нормативной модели жизни в старшем возрасте в условиях развитого социализма, советские исследователи подвергали критике *disengagement theory of aging*, разработанную Е. Каммингом и В. Генри на эмпирическом материале исследования, проведенного в 1950-х годах в Канзас-Сити [Cumming, Henry, 1961; Henry, 1964]. Одновременно с западными критическими геронтологами, выдвигавшими концепцию третьего возраста [Hochschild, 1975], советские авторы ратовали за «пересмотр дефицитной модели старения» и «теории освобождения от дел», как перевел название этой концепции В. Шапиро. Авторы предложили рассматривать старость как активный период жизни в том случае «если пожилой человек не просто является объектом обеспечения, сохраняется баланс между тем, что пожилой человек получает от окружения и что ему отдает» [Шапиро, 1983: 92]. Панина предложила свой перевод названия — «теория разобщения» [Панина, 1979]. По мнению исследовательницы, эта теория вполне адекватно отражает нормы старения в индивидуалистическом буржуазном обществе. Разобщение начинается с выходом на пенсию и детерминируется дважды — объективными структурами и субъективными факторами. С одной стороны, общество отторгает пожилых людей; с другой — они сами отстраняются от активной общественной жизни и испытывают внутреннюю потребность в дистанцировании. Панина подвергает критике нормативность теории разобщения и утверждает, что «в социалистическом обществе статус личности определяется степенью включенности в общественную жизнь и существуют объективные условия активной долголетней жизни людей» [Панина, 1980: 43].

Таким образом, мы видим, что советские социологи считали активное долголетие нормативной моделью жизни в старшем возрасте, желаемым и достижимым в период развитого социализма образцом. Эмпирические исследования были направлены на выяснение того, насколько эта идеологема реализуется, насколько активны пожилые и старые люди, что препятствует их активности, какая активность желательна, что должно сделать государство, чтобы стимулировать и поддерживать гражданское активное долголетие.

Идеологически предпочитаемая форма активности, занимавшая социологов, — общественно полезный труд. Именно поэтому наибольшее внимание ученых привлекало изучение *человека на пенсии* (так называется книга

Шапиро, вышедшая в серии «Социология и жизнь» [Шапиро, 1980]). Изучение старшего возраста превратилось в изучение особого гражданского статуса, наделяемого особыми правами и управляемого особыми нормативными регуляторами. Описывая своеобразное сословие пенсионеров по возрасту — их функционал, ожидания, роли и аттитуды, — социологи принимали участие в институционализации этапов жизненного пути советского человека наряду с законодательно фундированной социальной политикой, определявшей меры социальной поддержки граждан.

Рассмотрим далее несколько наиболее выразительных тематизаций позднесоветских социологических исследований пожилых пенсионеров, которые до сих пор представляются достойными для дальнейшего теоретизирования.

Тема 1. Выход на пенсию как трудный биографический переход

Социологи доказывали, что выход на пенсию был ключевым событием биографии советского человека, независимо от пола. Это событие маркировало наступление нового жизненного этапа, смену образа жизни, изменения гражданского статуса. Отличие пенсионного перехода от других переломных событий жизненного пути, по мнению Паниной, которая особое внимание уделяла этой проблематике, заключается в размытости (диффузности) конвенциональных правил и неопределенности ролевых ожиданий для пенсионеров. Но эта неопределенность оценивалась отрицательно. Если в более молодом возрасте изменение социального статуса приводит, как правило, к расширению социальных функций, к включению в новый, но вполне институционализированный круг ролей, то положение пенсионера связано с множественными утратами — утратой привычного ритма жизни, завоеванного авторитета, сужением социальных и межличностных контактов, материальными потерями. Основное приобретение пенсионера — это свободное время, которое можно использовать в соответствии с интересами, потребностями, жизненными ориентациями пожилого человека. Однако данные показывали, что этого не происходило. Наблюдалось «заметное снижение участия пожилых людей в тех видах активности, которые могут рассматриваться как компенсирующие утрату основной ведущей трудовой активности» [Панина, 1979; 1987: 2]. Отсутствие ролевой определенности и переживание утраты создает эффекты тревоги, может сказаться на состоянии здоровья и самооущении — развитии «пенсии болезни»¹.

Исследования киевской группы [Москалец, 1980; Москалец, Сачук, 1976; Сачук, Панина, 1983; Стеженская, Сачук, 1972; Панина, 1978; 1979; 1980; 1984а; 1984б; 1987; Панина, Сачук, 1982; Социальная среда..., 1970; Чеботарев и др., 1975] показали, что большинство работников на пороге выхода на пенсию соглашались с суждениями о том, что у них отсутствуют планы на ближайший период жизни и общие жизненные цели; они хотели «спокойно дожить» или «спокойно умереть». Исследователи видели в этом отсутствии горизонтов

¹ «Пенсионная болезнь» описывается как «комплекс различных болезненных проявлений, вызванных нарушением адаптивного процесса к статусу пенсионера» [Сачук, Панина, 1983: 32].

будущего травмирующую неопределенность жизни после выхода на пенсию. На субъективно-аффективном уровне они отмечали **страхи перед выходом на пенсию**, которые недооценивались ближайшим окружением и обществом в целом. По данным Шапиро и др., советские граждане в 1970-е годы ожидали, что жизнь на пенсии будет сопровождаться ухудшением здоровья, сужением круга общения, увеличением объемов домашней работы; в оценках жизни на пенсии явно доминировали негативные последствия прекращения работы¹ [Шапиро, 1976а; 1976б; 1980; 1983].

Социологи утверждали, что травматичный статусный переход требует адаптации и институциональных поддержек, смягчающих биографический удар. Все комментарии указывают на нехватку социальных поддержек для обеспечения активного и благополучного старения и усиливающую роль семьи в адаптации к новому периоду жизни.

Тема 2. Семья и жизнь пенсионера

Другим важнейшим аспектом изменения образа жизни пенсионера является «возвращение в семью», которое также проблематизировалось исследователями, а вслед за ними и информантами. Авторы отмечали, что положение пожилых людей в семье играет на поздних этапах жизненного цикла исключительную роль. Значимость семейных отношений усиливается схлопыванием горизонтов социальной активности. Статус пенсионера в обществе в значительной степени определяется его позицией в семейной системе [Шапиро, 1980; 1983; Дмитриев, 1980; Панина, Сачук, 1982; Янкова, 1978].

При этом семейная позиция и сопряженные с ней практики неоднозначно оценивались гражданами, переживавшими статусный переход. Социологи вновь обращали внимание на неопределенность и неоднозначность ситуации, противоречивые свидетельства. Они выделяли позитивные и негативные стороны осемейнивания жизни после выхода на пенсию. С одной стороны, данные эмпирических исследований подтверждали идеологему солидарности семейных поколений, позитивно оцениваемую вовлеченность пожилых в жизнь многопоколенной семьи, в которой «наиболее сильным фактором, связывающим старшее и среднее поколения, являются внуки» [Шапиро, 1983: 68]. Однако выделялись и часто отмечавшиеся пенсионерами негативные последствия новой позиции в семейной системе: непомерное увеличение нагрузки по дому, сопряженное с возрастом ухудшение здоровья и материального положения, ощущение своего одиночества; ухудшение отношений с родственниками и материальная зависимость от них, а также «полное отсутствие занятий» [Шапиро, 1983: 69]. Приверженность к новым семейным ролям нередко заставляет пенсионеров идти на компромисс, жертвуя другими потребностями и беря на себя дополнительные нагрузки домашней работы. Отказ от собственных интересов и служение семье приветствовались средним поколением, и это интерпретировалось исследователями как неверное

¹ «...Так, отмечают улучшение здоровья 47% неработающих пенсионеров, в то время как ожидают этого всего 9% работающих. Реальное увеличение помощи семье отмечают 43%, ожидаемое — 16%» [Шапиро, 1983: 63].

отношение, принижающее самость пожилого человека (сегодня мы назвали бы его эйджистским). Д.И. Валентей даже сформулировал тезис о «скрытом трудоиспользовании неработающего пенсионера в семье, когда он создает условия для полноценной работы своим детям и для воспитания внуков [Валентей, 1977; цит. по Дмитриев, 1980]. В этом тезисе звучит завуалированное признание эксплуатации старшего поколения со стороны взрослых детей. Предупреждала о рисках полной вовлеченности пенсионеров в семейные роли и Панина. Она называла полную идентификацию пенсионеров с жизнью среднего и младшего семейных поколений «духовным иждивенчеством», которое свидетельствует об «отсутствии общественно и лично значимых жизненных целей в пожилом и старом возрасте» [Панина, 1980].

В целом все исследователи пришли к выводу о возрастании значимости опекунской функции взрослых детей в отношении пожилых родителей пропорционально ухудшению состояния здоровья последних, зависимость пожилых граждан от семьи и детей рассматривалась как неизбежная, но чреватая проблемами. Организация заботы и ухода в обществе развитого социализма была нормативно семейноцентрична¹. Данные подтверждали, что общественные формы заботы и обслуживания пожилых граждан не развиты. В связи с этим социологи призывали консервировать норму и интегрировать представителей третьего семейного поколения в нуклеарную семью, не считывая на помощь государства.

Тема 3. Возрастное сокращение активности и дефицит общения

Согласно продвигаемой советскими социологами норме активного старения, успешная адаптация к новому гражданскому статусу предполагает деятельное участие людей старшего возраста в социальной жизни. Однако адаптация осложнена сокращением контактов с людьми и институтами и неразвитостью инфраструктуры. Исследователи отмечали, что деятельность и общение могут способствовать благополучию в старости. Они дедуктивно выделили три вида активности, которые могут сохранить активный образ жизни в старшем возрасте: домашняя работа («хозяйственно-бытовая деятельность в семье»), воспитание внуков и занятия общественной работой. Эти виды деятельности, по мнению исследователей, могут компенсировать отсутствие привычной работы и порождают новые возможности для совладания с угрозой дефицита общения. Ученые отмечали разрыв между потребностями и возможностями пожилых граждан. С одной стороны, обостряется их интерес к общению. С другой стороны, опросы зафиксировали сужение социальных связей, сокращение контактов, которое отрицательно сказывается на общем благополучии и удовлетворенности жизни и приводит к так называемой пенсионной болезни — апатии, скуке, схлопыванию жизненных горизонтов. Данные всех исследований демонстрируют гендерный профиль

¹ «Реализация установки на раздельное проживание со временем оборачивается другой стороной медали — одиночеством старого человека в период жизни, когда ему необходима повседневная помощь и поддержка, а иногда и просто присутствие в квартире близких людей» [Панина, 1987: 22].

проблемы. Мужчины в большей степени ощущают утрату социальных связей, чем женщины: «увеличение числа контактов, по данным Института геронтологии, отмечают лишь 4% мужчин и 4% женщин, а уменьшение — 73 и 56% соответственно» [Панина, 1980; Дмитриев, 1980; Шапиро, 1980]. Исследователи объяснили гендерный дисбаланс поло-ролевыми различиями на этапе занятости. «Поскольку социальные связи мужчин преимущественно связаны с работой, после выхода на заслуженный отдых у них происходит уменьшение межличностных контактов в большей степени, чем у женщин, которые в течение всего жизненного пути поддерживают регулярные контакты с близкими людьми, соседями и друзьями» [Дмитриев, 1980: 56]. Непропорционально большее сокращение социальных связей у пожилых мужчин рассматривается как угроза их благополучию. Исследователи, таким образом, пришли к выводу, что женщины на пенсии более благополучны, чем мужчины [Стеженская, Сачук, 1972; Урланис, 1968].

Подведем итоги исследований пенсионного перехода. Выход на пенсию описывался советскими социологами как переломное событие жизненного пути, запускающее двуединый процесс: расставание с трудовым статусом и «возврат» в семью, насыщенный преимущественно негативными ожиданиями и страхами. Новый гражданский статус сулит неопределенность и исключение, утрату позиций в разных сферах жизни, рост множества обременительных и часто нежелательных нагрузок домашнего труда, сокращение круга общения. Страхи перед пенсионным переходом исследователи оценивают как преувеличенные (хотя, возможно, это эффект методики). Позитивная сторона нового гражданского статуса связывается с ростом объема свободного времени для самореализации, отсутствием жесткой регламентации деятельности — однако позитив недооценивается пожилыми информантами, а горизонты планирования жизни сокращаются. Пенсионеры не планируют будущее, зачастую определяют свой статус как вторичный — определяемый по отношению к детям и внукам, а жизнь на пенсии — как угасание.

Рисуя картину травматичного пенсионного перехода, советские социологи проблематизировали жизнь пожилых людей и предлагали в качестве рецепта решения проблемы разработать совокупность мер социальной адаптации пенсионеров. Приспособление к новому статусу должно быть обеспечено сверху и снизу. Чтобы избежать социального разобщения, которое, несомненно, угрожает советскому пенсионеру, государство должно готовить людей к жизни на пенсии, разрабатывать целевые программы адаптации, стимулировать пенсионеров к активному долголетию и преодолению того состояния, которое социальные геронтологи называли «пенсионной болезнью». В качестве нормативного и желаемого образа жизни описывалось активное долголетие, соответствовавшее идеологическим принципам позднесоветского общества и подтвержденное научными изысканиями в качестве гаранта благополучия. На мой взгляд, социологи сделали нетривиальное научное открытие, но не придали ему нужной формы, которая бы позволяла настаивать на теоретическом достижении. Они обнаружили, что тезисы неприемлемой с идейной

точки зрения буржуазной теории старения как разрыва связей с обществом, по сути, подтверждаются эмпирическими исследованиями, посвященными советским гражданам пожилого возраста.

Тема 5. Потенциал использования труда пенсионеров в народном хозяйстве.

Опираясь на свои изыскания, исследователи критиковали действовавшее законодательное закрепление пенсионного возраста. С цифрами в руках они оппонировали правовой норме универсального возраста выхода на пенсию, аргументируя свою позицию данными о сохранении работоспособности и компетенций у 80% неработающих пенсионеров, которые могли бы составить резервную армию занятости и отдалить выход на заслуженный отдых со всеми присущими ему статусными испытаниями. «Установление единого пенсионного возраста приводит к нарушению прав — к тому, что право ухода на пенсию приобретают не только те пожилые люди, которые не в состоянии работать, но и те, кто сохраняет частичную и даже полную трудоспособность» [Шапиро, 1983: 23]. Еще одним аргументом в защиту дифференцированного подхода к пенсионному возрасту выступают субъективные предпочтения — выбор самих пожилых людей, многие из которых продолжают работать, достигнув возрастного рубежа.

Обсуждая перспективы продолжения работы в пенсионном возрасте, исследователи выделили профессиональные, образовательные и гендерные различия. Данные опросов о планах продолжения работы в пенсионном возрасте показывали, что ресурс занятости был распределен неравномерно. Он фактически был исчерпан для работников промышленности; гораздо более привлекательными для работающих пенсионеров были сферы услуг и управления. Занятость пенсионеров больше всего коррелировала с состоянием здоровья, чуть менее значимыми были образование, пенсионный стаж и пол. В соответствии с данными, гораздо чаще оставались работать люди с высоким уровнем образования и квалификации, профессионалы, мужчины. Мужчины чаще оставались работать на прежних рабочих местах, а женщины гораздо чаще меняли рабочее место и даже сам профиль занятости в пенсионном возрасте. В целом большую часть работающих пенсионеров составляли мужчины [Шапиро, 1983; Эглите, 1977; Дмитриев, 1980; Янкова, 1978; Ачаркан, Соловьев, 1975].

Поскольку резервы трудовой мобилизации пенсионеров по возрасту не были исчерпаны, социологи рекомендовали вовлекать их в занятость, особенно на рабочих местах с дефицитом кадров. Они отмечали, что привлечение пенсионеров в сферу оплачиваемого труда должно сопровождаться особыми условиями организации их занятости (гибкий рабочий день, частичная занятость). Такие рекомендации прямо резонируют с повесткой социального заказа¹. Подчеркивая объективный и субъективный потенциал использования

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 сентября 1979 года № 850 «О мероприятиях по материальному стимулированию работы пенсионеров в народном хозяйстве».

труда пенсионеров, социологи еще в позднесоветское время подготавливали аргументы для пересмотра границ пенсионного возраста и дифференцированного подхода к прекращению трудовой деятельности по возрасту.

Типы пенсионеров

Надеюсь, мне удалось показать, что советские исследователи проблематизировали социально-гражданский статус пенсионера по возрасту и продвигали нормативную модель активного старения, которая вполне соответствует и современной им международной дискуссии, и сегодняшней национальной «Стратегии в отношении граждан пожилого возраста».

При этом они выстроили две дихотомические типологии пенсионеров на основании критериев занятости и активного образа жизни неработающих пенсионеров.

На материалах исследований, проведенных под научным руководством В. Шапиро в различных регионах СССР, выделены два типа граждан старшего возраста — **работающие и неработающие** пенсионеры. Они рассматриваются как различные реальные поколения. Эмпирически подтверждаются существенные различия в их установках и ценностях, отношении к общественной работе, страхах в отношении пенсионной жизни, состоянии здоровья и проч. В целом работающие пенсионеры представлены как более субъективно благополучные и удовлетворенные жизнью. Страхи утраты статуса, переживание исключения (социальное одиночество) и даже ухудшение здоровья характерны в большей степени для неработающих пенсионеров.

Среди неработающих пенсионеров, в свою очередь, выделяются две модели образа жизни, которые оцениваются полярным образом: **пассивные и активные пенсионеры**. Критерий типологии — степень социальной активности, которая трактуется как мера социальной адаптированности к новому гражданскому статусу (социально-возрастной роли). В публикациях можно проследить расхождения в определении социальной активности и содержательной наполненности этой категории. Ряд социальных геронтологов киевской группы (Головаха, Панина, Сачук, Стеженская, Москалец и др.) рассматривали социальную активность инклюзивно, включая в это понятие широкий диапазон видов деятельности в разных сферах жизни: это и семейно-бытовые занятия, и потребительские, досуговые практики (просмотр телепередач, чтение, посещение зрелищных мероприятий), и межличностное общение, и прогулки и т. п.

Другие авторы (напр., Шапиро, Дмитриев) выстраивали иерархию социальной активности и в качестве приоритетной формы социальной вовлеченности пенсионера выделили участие в практической общественной работе по месту жительства и месту прежней работы. На самом деле речь о тех видах деятельности, которые в современной литературе описываются как волонтерские, или добровольческие. Таким образом, с точки зрения советской идеологии активного старения волонтерская деятельность пожилых граждан оценивалась как наиболее предпочитаемая. Сначала мы опишем критикуемую, но массовую модель пассивного пенсионера, а затем желаемую, но

статистически мало распространенную модель пенсионера-общественника, которые выстраиваются на материале эмпирических исследований.

Пассивные пенсионеры представлялись как проблемная категория, они считались неадаптированными, их образ жизни рассматривался как недостаточно рациональный, способствующий ухудшению здоровья и чувства удовлетворенности жизнью. Пассивность исследователи связывали с отсутствием ценностных ориентаций и связанных с ними жизненных планов, имеющих общественную значимость и направленность [Головаха, Панина, 1989]. Пассивный пенсионер также незначительно вовлечен в жизнь семьи (как по объему затрачиваемого времени, так по субъективной значимости), не ориентирован на домашнюю работу; для этой категории характерно резкое сокращение досуговой активности и коммуникативных связей. Пассивный пенсионер поражен «пенсионной болезнью». «Возрастает лишь участие пенсионеров в тех видах деятельности, которые по характеру двигательной активности и социальных контактов можно отнести к пассивному досугу (просмотр телепередач, чтение газет, отдых на скамейке и т. п.)» [Панина, 1984а: 23].

Как особенно уязвимые для пассивного образа жизни представлены одиноко проживающие люди, которые демонстрируют наиболее «низкие показатели в сфере социальной активности, особенно в тех видах деятельности, которые связаны с общением — общественная работа, посещение гостей, культурно-массовых мероприятий, групп здоровья...» [Панина, 1987: 3–4]. Исследователи отмечали, что таких пенсионеров достаточно много¹. Данные показали, что пассивных пенсионеров, жизнь которых грустна и бесперспективна, ожидаемо больше среди мужчин. Ученые объяснили выявленный гендерный дисбаланс эффектом гендерных различий в структуре занятий на более ранних этапах жизненного пути. Благодаря усвоенным гендерным ролям женщины на всем протяжении жизни больше вовлечены в досуговые и семейно-бытовые формы активности, и в старости этот дисбаланс сохраняется [Панина, Сачук, 1982: 43]. К вопросу о гендерных различиях мы обратимся ниже.

Важнейшей причиной пассивности во всех социально-демографических группах считается «сложившийся на протяжении жизненного пути личности стереотип пассивного проведения свободного времени» [Головаха, 1982: 3]. В целом исследователи пришли к выводу, что образ жизни в значительной мере определяется влиянием сложившегося на протяжении жизненного пути стереотипа поведения и не претерпевает существенных изменений после выхода на пенсию [Головаха, 1982; Москалец, Сачук, 1976; Москалец, 1980].

Пенсионер-общественник — редкий тип

Негативной культурной модели пассивного угнетенного пенсионера противопоставлен нормативный тип пенсионера-общественника². Такой пенсионер вовлечен в общественную работу, которая считается в этом

¹ Панина отмечала, что большинство обследованных ею пожилых людей вели пассивный, характеризующийся низким уровнем социальной активности образ жизни — 83-96% по разным социально-демографическим группам [Панина, 1980].

² Исследования проведены Шапиро в 1973-1975 г. в Москве и в 1978-1979 г. в Херсоне.

дискурсе высшей формой социальной активности пожилых. Содержательное наполнение общественной активности — «выполнение поручений, заданий, обязанностей идеологического, организационного, контрольно-ревизионного, воспитательного, просветительского и др. порядка» [Шапиро, 1983: 74]. Данные эмпирических исследований показывали, что, несмотря на пропагандистские усилия, большинство советских пенсионеров не было вовлечено в общественную работу. В общественной работе участвовали только «каждый 10–16-й неработающий на производстве беспартийный пенсионер» [Шапиро, 1983: 76; см. также: Головаха, Панина, 1989].

Ядро группы пенсионеров-общественников составляли члены КПСС, которые либо сохранили связь со своим трудовым коллективом, либо активно участвовали в общественной работе по месту жительства. Здоровье, образование, принадлежность к категории служащих были значимыми факторами, позитивно коррелировавшими с участием в общественной работе. Среди мотивов выполнения общественной работы — участия в волонтерской деятельности — выделялись: желание быть полезным конкретным людям и обществу; мотив общения и компенсаторная функция общественной работы как альтернативы «бесцельному существованию, надежный способ противостоять медленному угасанию духовных и физических сил» [Шапиро, 1983: 100]. Все исследования подтвердили гендерные различия вовлеченности в общественную работу на всем протяжении жизни: мужчины, независимо от возраста, опережали женщин по этим показателям, выход на пенсию увеличивал гендерный разрыв. В качестве главной причины мужского перевеса в практической общественной работе называлась их меньшая загруженность домашними, семейными делами [Дмитриев, 1980: 69].

В целом авторы отмечали благотворное влияние общественной работы на мироощущение и общую оценку пожилым человеком своего социального положения и нормализовали гендерные различия, объясняя их поло-ролевыми предпочтениями. Отмечая расхождение нормы и реальности, они выражали сожаление, что тип пенсионера-общественника не является массовым. В качестве барьеров волонтерства пенсионеров назывались ориентация на пассивный образ жизни, предпочтения семейно-бытовой активности и недостаточная активность институций в привлечении общественников старшего возраста.

Гендер и жизнь пенсионера

Обобщим гендерные различия, выделенные исследователями. В целом переход и гражданский статус пенсионеров обсуждались в гендерно-нейтральных тонах. Однако данные демографической статистики и массовых опросов заставили исследователей увидеть гендерную асимметрию, или дисбаланс, который свидетельствует о более низкой степени адаптированности мужчин к новому гражданскому статусу и меньшей вовлеченности

женщин пенсионного возраста в сферу оплачиваемого труда и практики общественной работы¹.

Во-первых, исследователи отмечали более высокую смертность мужчин, которая сказывалась в различиях в пропорции мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше в таких республиках, как РСФСР, БССР, УССР, ЭССР [Дмитриев, 1980; Шапиро, 1980: 16]. Эти статистические различия, приводившие к феминизации старшего возраста, большему распространению вдовства среди женщин, заставляли исследователей думать о преждевременном старении и смертности мужчин, их большей уязвимости [Урланис, 1968].

Во-вторых, исследования демонстрируют гендерные различия в планах и смысловых горизонтах жизни на пенсии. «У неработающих пенсионеров-мужчин ориентация на работу продолжает занимать доминирующее положение. У неработающих пенсионерок на первые места выдвигаются ценности, связанные с семьей, отдыхом и здоровьем» [Шапиро, 1980: 40]. Значительная их часть стремится посвятить свою жизнь семье и внукам; они рассматривают новое осемейнивание как нормативную модель жизни на пенсии.

В-третьих, гендерные различия проявлялись в практиках жизни на пенсии. Среди работающих пенсионеров было существенно больше мужчин, и чем больше становился пенсионный стаж, тем более выражен был гендерный разрыв. При этом мужчины-пенсионеры чаще продолжали работать в профессиях квалифицированного труда. Работающие пенсионерки обычно меняли место работы, при этом их статус чаще снижался. После выхода на пенсию чаще меняли работу женщины с низкой квалификацией и невысоким образованием. Для них занятость в пенсионном возрасте была вызвана в основном материальной необходимостью, стремлением сохранить экономическую самостоятельность. Но при этом именно в женском сегменте занятости в условиях феминизации ряда рабочих мест фиксировалась нужда в трудовых резервах. Советская экономика испытывала дефицит в работниках женских профессий средней и низшей квалификации — были востребованы медсестры, сиделки, учителя младших классов. Государство предпринимало особые усилия по привлечению женщин пенсионного возраста к работе в лечебных учреждениях и домах для престарелых [Шапиро, 1980: 77].

В-четвертых, социологи утверждали, что в целом мужчины переживали пенсионный переход тяжелее, чем женщины. «Резкий пенсионный переход, особенно для мужчин, не удлиняет, а снижает продолжительность жизни» [Дмитриев, 1980: 35]. Большая подверженность мужчин «пенсионной болезни» связывалась со склонностью к пассивному образу жизни, дефицитом общения. Проблема одиночества в пожилом возрасте, как указывал Дмитриев, также особенно обостряется у мужчин, поскольку палитра активностей и контактов у женщин больше. Женщины также более активно вовлечены в культурный досуг. В общем, их старость, если пользоваться словами Паниной, более адаптирована, они в большей степени довольны своей жизнью, для них более

¹ Об изменении социальной позиции женщин пенсионного возраста см. [Григорьева, Сизова, 2018].

характерны паттерны активного долголетия. И хотя исследователи отмечали различия в образах жизни по критериям образования, уровню квалификации и здоровья в социально-демографических группах женщин и мужчин, в целом они рассуждали в категориях простой гендерной дихотомии, опираясь на простые распределения ответов по категориям мужчин и женщин.

Гендерные различия в переживании выхода на пенсию, в отношении занятости и социальной активности объяснялись отсылками к поло-ролевой дифференциации и неравенству в степени вовлеченности в семейно-хозяйственную деятельность на протяжении всего жизненного пути. Паттерн двойной нагрузки и баланса оплачиваемой занятости и домашних забот, характерный для опыта женщин, в старшем возрасте показывает свою оборотную сторону. Именно потому, что в период профессиональной занятости женщины теснее связаны с семьей и развивают сети близких связей, они менее драматично переживают пенсионный переход и легче обретают смыслы в жизни на пенсии. «Социальные роли женщины (мать, бабушка, домашняя хозяйка) помогают ей легче приспособиться к новым условиям жизни, связанным с утратой большого количества профессиональных и других контактов после выхода на пенсию» [Дмитриев, 1980: 64]. Домашние женские роли рассматривались советскими социологами как интериоризованные и способные компенсировать профессиональную занятость женщин.

Заключение

Мы показали, что советские социологи, создавая знание о старшем поколении, маневрировали между нормативностью идеологии и позитивистским знанием. Их рассуждения были интегрированы в международный дискурс. Их исследования были ангажированы — ориентированы на нормативную модель активного долголетия по-советски. Они формулировали нормативную модель активного долголетия как гендерно-нейтральную и проверяли ее валидность и реализуемость в позднесоветский период. На уровне манифестных суждений советские социологи выступали с критикой «буржуазной» концепции старения как разрыва общественных связей. Подробное ознакомление с их работами показывает, что они старались выявить потенциал социальной активности российских граждан старшего возраста — пенсионеров по старости — и проверить положения *disengagement theory* на советском материале. Результат эмпирических исследований показал, что нормативная модель активного долголетия по-советски является лишь идеологемой. Значительная часть советских граждан старшего возраста сокращала культурное потребление, круг их общения сужался, а потребность в общении росла; они не имели планов жизни на пенсии, проявляли склонность к пассивности. Пожилые люди испытывали страх перед выходом на пенсию, этот переход они воспринимали как критический опыт множественных утрат и вызов новой семейной роли. Таким образом, социологи подтверждали, что многие советские пожилые

люди страдали от «пенсионной болезни» и переживали разобщение — разрыв социальных связей и опыт социального исключения.

Женский опыт жизни на пенсии описывался как более позитивный по сравнению с мужским. Хотя доля женщин среди пенсионеров-общественников была незначительна, они в меньшей степени страдали от одиночества, сохраняли социальные связи, накопленные на других этапах жизненного пути, были более склонны вести социально активный образ жизни, особенно в сфере культурного потребления, часто с удовлетворением относились к новым семейным ролям.

Исследователи продемонстрировали, что смена гражданского статуса — переход в категорию неработающих пенсионеров — является потрясением, которое требует ресурсов адаптации, эмоциональной работы и институциональной поддержки. Социологи показали, что от перехода на пенсию страдают те, кто «жил работой». А среди таких «работоголиков» больше мужчин. Авторы высказали предположение, что резкая смена ритма и образа жизни — главная причина заболеваний мужчин в первые годы после выхода на пенсию. Призывы к долголетию и эффективной адаптации в меньшей степени были ориентированы на женщин, чем на мужчин.

Мы не оставляем без критики проанализированные тексты и лежащие в их основе исследования. Отметим, что гендерный анализ носил латентный характер. Различия описывались, но они не были фокусом исследовательского интереса. Понимание социальной активности достаточно узкое — три вида деятельности не дифференцированы и носят явно нормативный характер. Критика методологии эмпирических исследований у авторов отсутствует. Фактически социологи ограничивали свое внимание гражданами третьего возраста. За редким исключением без внимания оказались различные аспекты долговременного ухода и социальной помощи гражданам старшего возраста, ограниченным в своей самостоятельности, хрупким пациентам гериатрии. Активная поддержка нормативной семейной модели жизни в старшем возрасте предлагалась как безальтернативная. В целом одинокое проживание — тенденция, которая все более выражена в современном обществе, — описывалось как маргинальное, как источник пассивного старения, симптом неблагополучия, нежелательный сценарий.

Обсуждаемые в этой статье работы по советской социологии старения трудно найти, их не переиздавали, они практически не цитируются современными авторами. Однако их интересно читать с позиции сегодняшней реинкарнации социальной геронтологии в России. Конечно, ритуальные ссылки на материалы съездов КПСС и работы классиков марксизма-ленинизма затемняют содержание, но анализ данных создает знание о социальном положении, проблемах и возможном реформировании политики в отношении пожилых граждан, и даже позволяют найти теоретические инсайты, которые могли бы быть разработаны в дальнейшем. Наиболее интересные, на наш взгляд, находки — идея пенсионного перехода, модель «пенсионной болезни», представления о преждевременном старении и своеобразии активного долголетия по-советски для мужчин и женщин.

Литература

Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Ленинградский университет, 1974.

Ачаркан В.А., Соловьев А.Г. Работающие пенсионеры. М.: Юридическая литература, 1975.

Валентей Д.И. Люди «третьего возраста» // Пожилые люди в нашей стране. М.: Наука, 1977. С. 10–17.

Головаха Е.И. Свободное время пенсионеров и особенности его использования // Геронтология и гериатрия. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1982. С. 32–59.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Критерии и принципы разумной организации жизни // Разумная организация жизни личности: проблемы воспитания и саморегулирования. Киев: Наукова думка, 1989. С. 88–104.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. М.: Наука, 1972.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Груздева Е.Б. Этапы жизненного цикла семьи и быт работающих женщин // Изменение положения женщин и семья. М.: Наука, 1977. С. 139–150.

Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. № 2. С. 109–135. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>

Грушин Б.А. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 205–228.

Грушин Б.А. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

Дмитриев А.В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. Л.: Наука, 1980.

Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские проблемы геронтологии. М.: Наука, 1978.

Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76–86.

Ланцев М.С. Социальное обеспечение в СССР (экономический аспект). М.: Экономика, 1976.

Левинсон А.Г. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 18–29.

Москалец Г.М. Социально-гигиенический анализ бюджетов времени пенсионеров крупного города. Автореферат диссертации канд. мед. наук. Киев: Киевский медицинский институт, 1980.

Москалец Г.М., Сачук Н.Н. Социально-гигиенические аспекты изучения образа жизни населения в пред- и пенсионном возрасте // III Всесоюзный съезд геронтологов и гериатров: Тез. и реф. докл. Киев, 1976. С. 24.

Панина Н.В. Возрастные особенности динамики образа жизни после прекращения трудовой деятельности // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л.: Ленинградский государственный университет, 1984а. С. 87.

Панина Н.В. Духовные потребности пожилых людей: особенности формирования и критерии разумности // Філософська думка. 1984б. № 5. С. 16–28.

Панина Н.В. Жизненный путь личности (вопросы теории и методологии социально-психологического исследования). Киев: Наукова думка, 1987.

Панина Н.В. Подготовка к выходу на пенсию как условие адаптации к статусу пенсионера // Социологические исследования. 1979. № 3. С. 101–107.

Панина Н.В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионеров. Автореферат диссертации канд. философ. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1980.

Панина Н.В. Роль санитарной и психологической подготовки в формировании рационального образа жизни в пенсионном возрасте // Вопросы геронтологии. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1978. С. 80–86.

Панина Н.В., Сачук Н.Н. Старшее поколение в современной семье // Семья и общество. М.: Наука, 1982. С. 39–57.

Пиотровский Е. Изменившиеся представления о старости // 9-й Международный конгресс геронтологов. Доклады. Т. 1. Киев, 1972. С. 81–84.

Сачук Н.Н., Панина Н.В. Методические рекомендации по проведению комплексной подготовки к рациональному образу жизни в пенсионном периоде. Киев: Минздрав УССР, 1983.

- Социальная среда, образ жизни и старение. Киев: Институт геронтологии АМН СССР, 1970.
- Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
- Стеженская Е.И., Сачук Н.Н. Демографические сдвиги в современном обществе и трудовая активность населения старших возрастов // Ведущие проблемы Советской геронтологии: материалы к IX международному конгрессу геронтологов. Т. 3. Киев, 1972. С. 258–261.
- Урланис Б.Ц. История одного поколения. М.: Мысль, 1968.
- Френкель З.Г. Удлинение жизни и активная старость. Л.: ГИУВ, 1945.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
- Чеботарев Д.Ф., Сачук Н.С., Стеженская Е.Н. Социальные аспекты геронтологии в условиях научно-технической революции // Соревнование двух систем. Экономика социализма и всемирное хозяйство. М.: Наука, 1975. С. 216–232.
- Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М.: Наука, 1983.
- Шапиро В.Д. Факторы занятости пенсионеров в общественном производстве: опыт социологического исследования. Автореферат диссертации канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1976а.
- Шапиро В.Д. Факторы трудовой активности пенсионеров // Социологические исследования. 1976б. № 1. С. 102–112.
- Шапиро В.Д. Человек на пенсии. М.: Мысль, 1980.
- Элите П. Труд имеющих право на пенсию // Пожилые люди в нашей стране. М.: Наука, 1977. С. 60–71.
- Янкова З. Советская женщина. Социальный портрет. М.: Политиздат, 1978.
- Ageing, the Body and the Gender Regime / Ed. by S. Pickard, J. Robinson. London: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429434952>
- Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240507000102>
- Cumming E., Henry W. Growing Old: The Process of Disengagement. N.Y.: Basic Books, 1961.
- Henry W. The Theory of Intrinsic Disengagement // Age with a Future / Ed. by P.F. Hansen. Philadelphia: F.A. Davis and Company, 1964.
- Hochschild A. Disengagement Theory: A Critique and Proposal // American Sociological Review. 1975. Vol. 40. № 5. P. 553–569. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094195>
- Krementsov N. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. N.Y.: Oxford University Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199992980.001.0001>
- Riley H. et al. Aging and Society: A Sociology of Age Stratification. Vol. 3. 3rd ed. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1972.
- Sokolov M. Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism // Serendipities. 2017. № 2. P. 183–212.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. Sociology in Russia: A Brief History. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-58085-2>

Сведения об авторе:

Здравомыслова Елена Андреевна — кандидат социологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** zdrav@eu.spb.ru. **РИНЦ Author ID:** 250505; **ORCID ID:** 0000-0001-7867-0221.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2021
Принята к публикации: 10.09.2021

Late Soviet Sociology about Old Age and Gender: There Were Theoretical Insights

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.3

Elena A. Zdravomyslova *European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia*
E-mail: zdrav@eu.spb.ru

The focus of the article is construction of old age and gender in the late Soviet sociology. The author is engaged in secondary analysis of the texts based on the empirical research conducted in the 1970s-1980s. The author argues that Soviet sociologists produced empirically based knowledge about Soviet elderly, which contradicted with ideological claims of the party state. Their texts were balancing between ideological loyalty and positivist knowledge. Researchers were well informed about international sociological discussion of the time: they criticized 'bourgeois' disengagement theory of ageing and hailed active ageing paradigm. Empirical studies confirmed however that the life of Soviet elderly was very different from the normative model of active ageing Soviet style. Not many aged citizens were engaged in social activities, most of them experienced shortage of contacts, loneliness and social exclusion. Biographical passage to retirement has been fearful and traumatic experience with lack of institutional help and family care as the preferred option. Men showed more vulnerability to the losses of retirement than women did who are claimed to be better adapted to the life outside paid job due to the Soviet gender contract. Thus, Soviet sociologists in fact were critical to the elderly care regime of the late-Soviet period, though expressed their criticisms in the veiled way under the disguise of the ideological clichés. Though Soviet sociological research was mostly policy oriented and is criticized for its 'theoretical poverty', the author argues that certain theoretical insights are fruitful and relevant for the current research on ageing in Russian society.

Keywords: soviet sociology; elderly; gender; aging; social constructivism; pensioners

References

Acharkan V.A., Solov'ev A.G. (1975) *Rabotayushchie pensionery* [Working pensioners]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)

Aleksandrova M.D. (1974) *Problemy social'noj i psihologicheskoy gerontologii* [Problems of social and psychological gerontology]. Leningrad: Leningradskij universitet. (In Russ.)

Burawoy M. (2005) For Public Sociology. *American Sociological Review*. Vol. 70. No. 1. P. 4–28. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240507000102>

Chebotarev D.F., Sachuk N.S., Stezhenskaya E.N. (1975) Social'nye aspekty gerontologii v usloviyah nauchno-tekhnicheskoy revolyucii [Social aspects of gerontology in the context of the scientific and technological revolution]. *Sorevnovanie dvuh sistem. Ekonomika socializma i vseмирnoe hozyajstvo* [The competition of two systems. The economy of socialism and the world economy]. Moscow: Nauka. P. 216–232. (In Russ.)

Cumming E., Henry W. (1961) *Growing Old: The Process of Disengagement*. N.Y.: Basic Books.

Dmitriev A.V. (1980) *Social'nye problemy lyudej pozhilogo vozrasta* [Social problems of elderly people]. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Eglite P. (1977) Trud imeyushchih pravo na pensiyu [The work of those who are entitled to a pension]. *Pozhilye lyudi v nashej strane* [Elderly people in our country]. Moscow: Nauka. P. 60–71. (In Russ.)

Frenkel' Z.G. (1945) *Udlinenie zhizni i aktivnaya starost'* [Prolongation of life and active old age]. Leningrad: GIUV. (In Russ.)

Golovaha E.I. (1982) Svobodnoe vremya pensionerov i osobennosti ego ispol'zovaniya [Free time of pensioners and features of its use]. *Gerontologiya i geriatriya* [Gerontology and geriatrics]. Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. P. 32–59. (In Russ.)

Golovaha E.I., Panina N.V. (1989) Kriterii i principy razumnoj organizacii zhizni [Criteria and principles of a reasonable organization of life]. *Razumnaya organizaciya zhizni lichnosti: problemy vospitaniya i samoregulirovaniya* [Reasonable organization of personal life: problems of education and self-regulation]. Kiev: Naukova dumka. P. 88–104. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V. (1972) *Chelovek posle raboty* [A person after work]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V., Gruzdeva E.B. (1977) Etapy zhiznennogo cikla sem'i i byt rabotayushchih zhenshchin [Stages of the family life cycle and the life of working women]. *Izmenenie polozheniya zhenshchin i sem'ya* [Changing the status of women and the family]. Moscow: Nauka. P. 139–150. (In Russ.)

Grigoryeva I., Sizova I. (2018) Traektorii stareniya zhenshchin v sovremennoj Rossii [Aging Trajectories of Women in Modern Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 27. No. 2. P. 109–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>

Grushin B.A. (1967) *Svobodnoe vremya. Aktual'nye problem* [Free time. Current problems]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Grushin B.A. (1999) Gor'kij vkus nevestrebovannosti [The bitter taste of being unclaimed]. In: Batygin G.S. (ed.) *Rossijskaya sociologiya shestidesyatih godov* [Russian Sociology of the 60s]. Moscow: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut. P. 205–228. (In Russ.)

Henry W. (1964) The Theory of Intrinsic Disengagement. In: Hansen P.F. (ed.) *Age with a Future*. Philadelphia: F.A. Davis and Company.

Hochschild A. (1975) Disengagement Theory: A Critique and Proposal. *American Sociological Review*. Vol. 40. No. 5. P. 553–569. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094195>

Karsaevskaya T.V., Shatalov A.T. (1978) *Filosofskie problemy gerontologii* [Philosophical problems of gerontology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Kharchev A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Kon I.S. (1978) Vozrastnye kategorii v naukah o cheloveke i obshchestve [Age categories in the sciences of man and society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 76–86. (In Russ.)

Kremontsov N. (2014) *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. N.Y.: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199992980.001.0001>

Lancev M.S. (1976) *Social'noe obespechenie v SSSR (ekonomicheskij aspekt)* [Social security in the USSR (economic aspect)]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Levinson A.G. (2005) Starost' kak institut [Old age as an institution]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 3. P. 18–29. (In Russ.)

Moskalets G.M. (1980) *Social'no-gigienicheskij analiz byudzheto vremeni pensionerov krupnogo goroda* [Social and hygienic analysis of the time budgets of pensioners of a large city]. Avtoreferat dissertacii kand. med. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences]. Kiev: Kievskij medicinskij institut. (In Russ.)

Moskalets G.M., Sachuk N.N. (1976) Social'no-gigienicheskie aspekty izucheniya obraza zhizni naseleniya v pred- i pensionnom vozraste [Socio-hygienic aspects of studying the lifestyle of the population in pre- and retirement age]. *III Vsesoyuznyj s'ezd gerontologov i geriatrov: Tez. i ref. dokl.* [III All-Union Congress of Gerontologists and Geriatricians: Theses and abstracts of reports]. Kiev. P. 24. (In Russ.)

Panina N.V. (1978) Rol' sanitarnoj i psihologicheskoy podgotovki v formirovanii racional'nogo obraza zhizni v pensionnom vozraste [The role of sanitary and psychological training in the formation of a rational lifestyle in retirement age]. *Voprosy gerontologii* [Questions of gerontology]. Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. P. 80–86. (In Russ.)

Panina N.V. (1979) Podgotovka k vyhodu na pensiyu kak uslovie adaptacii k statusu pensionera [Preparation for retirement as a condition for adaptation to the status of a pensioner]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 101–107. (In Russ.)

Panina N.V. (1980) *Problemy social'noj adaptacii pozhilyh lyudej k statusu pensionerov* [Problems of social adaptation of elderly people to the status of pensioners]. Avtoreferat dissertacii kand. filosof. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophy]. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Panina N.V. (1984a) Duhovnye potrebnosti pozhilyh lyudej: osobennosti formirovaniya i kriterii razumnosti [Spiritual needs of the elderly: features of formation and criteria of reasonableness]. *Filosofs'ka dumka* [Philosophical thought]. No. 5. P. 16–28. (In Russ.)

Panina N.V. (1984b) Vozrastnye osobennosti dinamiki obraza zhizni posle prekrashcheniya trudovoj deyatelnosti [Age-related features of lifestyle dynamics after termination of employment]. *Sovremennye problemy prikladnoj sociologii i social'noj psihologii v trudovyh kolektivah* [Modern problems of applied sociology and social psychology in labor collectives]. Leningrad: Leningradskij gosudarstvennyj universitet. P. 87. (In Russ.)

Panina N.V. (1987) *Zhiznennyj put' lichnosti (voprosy teorii i metodologii social'no-psihologicheskogo issledovaniya)* [The life path of the individual (questions of the theory and methodology of socio-psychological research)]. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.)

Panina N.V., Sachuk N.N. (1982) Starshee pokolenie v sovremennoj sem'e [The older generation in the modern family]. *Sem'ya i obshchestvo* [Family and society]. Moscow: Nauka. P. 39–57. (In Russ.)

Pickard S., Robinson J. (eds.) (2019) *Ageing, the Body and the Gender Regime*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429434952>

Piotrovskij E. (1972) Izmenivshiesya predstavleniya o starosti [Changed ideas about old age]. 9-j *Mezhdunarodnyj kongress gerontologov. Doklady* [The 9th International Congress of Gerontologists. Reports]. Vol. 1. Kiev. P. 81–84. (In Russ.)

Riley H. et al. (1972) *Aging and Society: A Sociology of Age Stratification*. Vol. 3. 3rd ed. N.Y.: Russell Sage Foundation.

Sachuk N.N., Panina N.V. (1983) *Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu kompleksnoj podgotovki k racional'nomu obrazu zhizni v pensionnom periode* [Methodological recommendations for conducting comprehensive preparation for a rational lifestyle in the retirement period]. Kiev: Minzdrav USSR. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1976a) Faktory trudovoj aktivnosti pensionerov [Factors of labor activity of pensioners]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 102–112. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1976b) *Faktory zanyatosti pensionerov v obshchestvennom proizvodstve: opyt sociologicheskogo issledovaniya* [Factors of employment of pensioners in public production: the experience of a sociological study]. Avtoreferat dissertacii kand. filosof. nauk [Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophy]. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1980) *Chelovek na pensii* [A retired person]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Shapiro V.D. (1983) *Social'naya aktivnost' pozhilyh lyudej v SSSR* [Social activity of elderly people in the USSR]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Social'naya sreda, obraz zhizni i starenie [Social environment, lifestyle and aging] (1970) Kiev: Institut gerontologii AMN SSSR. (In Russ.)

Sokolov M. (2017) Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism. *Serendipities*. No. 2. P. 183–212.

Stezhenskaya E.I., Sachuk N.N. (1972) Demograficheskie sdvigi v sovremennom obshchestve i trudovaya aktivnost' naseleniya starshih vozrastov [Demographic shifts in modern society and labor activity of the older population]. *Vedushchie problemy Sovetskoy gerontologii: materialy k IX*

mezhdunarodnomu kongressu gerontologov [Leading problems of Soviet gerontology: materials for the IX International Congress of Gerontologists]. Vol. 3. Kiev. P. 258–261. (In Russ.)

Titarenko L., Zdravomyslova E. (2017) *Sociology in Russia: A Brief History*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-58085-2>

Urlanis B.C. (1968) *Istoriya odnogo pokoleniya* [The history of one generation]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Valentej D.I. (1977) Lyudi "tret'ego vozrasta" [People of the "third age"]. *Pozhilye lyudi v nashej strane* [Elderly people in our country]. Moscow: Nauka. P. 10–17. (In Russ.)

Yadov V.A. (ed.) (1977) *Social'no-psihologicheskij portret inzhenera* [Socio-psychological portrait of an engineer]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Yankova Z. (1978) *Sovetskaya zhenshchina. Social'nyj portret* [A Soviet woman. Social profile]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Author bio:

Elena A. Zdravomyslova — Candidate of Sociology, Professor, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** zdrav@eu.spb.ru. **RSCI Author ID:** 250505; **ORCID ID:** 0000-0001-7867-0221.

Received: 13.06.2021

Accepted: 10.09.2021